

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ
БЕСТСЕЛЛЕР

**ДЭНИ И.
БЕХАРД**

ВАРВАРСКАЯ
ЛЮБОВЬ

Москва
2016

УДК 821.111-31(71)
ББК 84(7Кан)-44
Б55

D.Y. Bechard
VANDAL LOVE

Copyright © 2006, by Deni Y. Bechard

This edition is published by arrangement
with Chalberg & Sussman LLC and The Van Lear Agency LLC
on behalf of Milkweed Editions

Copyright © Photo by Austin Lin.

Перевод с английского *Е. Калявиной*

Художественное оформление *А. Старикова*

Бехард, Дэни.

Б55 Варварская любовь / Дэни И. Бехард ; [пер. с англ.
Е. Ю. Калявиной]. — Москва : Издательство «Э»,
2016. — 320 с. — (Интеллектуальный бестселлер).

ISBN 978-5-699-87157-5

Эту книгу канадский писатель Дэни Бехард, лауреат престижной премии The Commonwealth Prize за лучший дебют, писал восемь лет. В истории литературы не много примеров, когда первая книга бывает столь зрелой, столь эпичной и всеобъемлющей. История семьи — сюжетный каркас, внутри которого — бездна тем и мотивов.

Традиции Керуака, Фолкнера, Маркеса Бехард переосмыслил и умело использовал, чтобы показать читателю самое главное, ради чего пишутся книги, ради чего все мы по большому счету живем, — как человек ищет свой путь, как пытается доказать — всему миру и самому себе, — что он не песчинка мироздания, а значимая его часть.

УДК 821.111-31(71)
ББК 84(7Кан)-44

© Калявина Е., перевод на русский язык, 2016
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

ISBN 978-5-699-87157-5

Книга первая

Часть первая

Квебек

1946–1961

Даже когда Джуд был мальчишкой, его руки и ноги выпирали из тела, на шее надувались жилы, мускулистое пузо торчало под грудью. В полях над дорогой, на крутом берегу реки, такой широкой, что ее называли *la mer*¹, он работал в одежде цвета грязи, упорней и проворней, чем его дядья. Изредка он переставал копать, давал себе передышку и неуклюже стоял, не зная, как вести себя в бездействии. Но в пятнадцать лет Джуд уже почти не останавливался. Он и ел точно так же — в один присест. Он раздевался, вытягивался на постели и тут же засыпал. Тяжкая работа высекала на его лице кривые углы, как на лежалом яблоке, стиснутом в погребке среди своих братьев. Он никогда не смыкал глаз, чтобы помечтать о том, чего нельзя увидеть.

Засушливое лето завершилось осенью. Листва по-нуро ржавела, как старые плуги на холмах. Чтобы копать картошку, Джуду пришлось рыть глубокие канавы в стылой земле. Он даже не мог себе представить, что и десятилетие спустя деревенские будут обсуждать время перед его исчезновением. Или что вечерами, глядя в телевизор, будут вспоминать его чудовищный рост и рыжую шевелюру, вспоминать таким, каким они видели его на Голливуд-стрит.

---

¹ Море (*фр.*).

Из девятнадцати детей Эрве он более всех был склонен остаться. Его вырастил дед — Эрве Эрве. С неизбежностью мессы они вдвоем выходили рыбачить в отеческие воды. Эрве со времен Семилетней войны владели первыми грубо построенными фермами в горах, и когда капитан Джордж Скотт жег дома французов, семейство не бежало во Францию. Они не переехали и поближе к телеграфу и доктору, когда предприниматели из Джерси построили поселения. Изо всех сил семья развивала необычные качества. Дети попеременно рождались то верзилами, то карликами, будто чрево истощалось. Но работало, как часовой механизм: огромный ребенок, затем — дитя-эльф. Деревенские только диву давались и боялись их, будто воскрешавших таинственные древние дохристианские предания. Они боялись даже слабых карликов, копошившихся под ногами громадных единотробных братьев и сестер.

И хотя половина детей родились карликами, будто над ними свершилось библейское проклятие, Эрве Эрве ими гордился. Крепкий, несмотря на преклонный возраст, он и последних своих сыновей успел приучить к рыболовству и работе на полях во времена, когда стада трески в море сократились, а сельские угодья снова превращались в леса. Сам он вырос в худшие годы эмиграции на юг и видел слишком много перемен, чтобы доверять им, — нищету, богатство войны и вновь нищету, пока он сам не ожесточился, как страна, из которой бежали сотни тысяч, а теперь бежал он сам и его сыновья. Когда Эрве Эрве дрался, противники разбивали костяшки пальцев о его лицо, плоское, почти с индейскими чертами, никогда не выдававшее его чувств, на обветренной темной коже не оставались никакие ссадины. Он заводил сыновей в чащи, где они, охотясь, проводили долгие часы. Он

никогда не пользовался компасом, но однажды, когда пропали геологи и землемеры, посланные правительством в провинциальную глушь, спас их. В тысяча девятьсот четвертом году, когда он шел ночью по дороге, из лесу раздался выстрел, и пуля вышибла ему глаз. Никто не верил, что это случайность. Однако оставшийся глаз стал более зорким, сосредоточенным на воспоминаниях и воображении. Говорили, что Эрве Эрве может определить расстояние до моря, попробовав снег на вкус.

В первом браке он родил троих сыновей и трех дочерей. Двое первенцев из троих стали кормильцами — он говорил о детях, если говорил, языком рыбака. Эрве Эрве брюхатил жену без продыху, а когда она иссякла и скончалась родами, он заменил ее на Жоржину, весьма набожную выносливую женщину, которая принесла ему еще одиннадцать детей.

Джуд был незаконным сыном звероподобного туриста родом из Шотландии и Аньес — четырнадцатилетней дочери Жоржины, которая, не желая рожать, отчаянно тузила свой живот, скатывалась по ступенькам и холмам, а потом сиганула в ледяную воду, врезавшись в нависшие над водой ветки, так что для односельчан все это выглядело как напряженная тренировка перед чемпионатом по борьбе без правил. Беременность не прервалась, и Джуд родился — с расплюснутым носом и со стеклянным взглядом кулачного бойца. Но не один. Он явился на свет вместе с крошечной сестрой-близняшкой; поговаривали, что он держал ее на руках, будто защищая от грядущего насилия.

Глядя на карлицу и ее хранителя, появившихся вместе, как если бы он родился с мешком изглоданных костей, все удивлялись. Селяне, знавшие семейную историю, полагали, что это проклятие, ниспос-

ланное Эрве за какие-то прошлые извращения или грехи. С приходом зимы или эпидемии карлики умирали первыми, гиганты их били или пренебрегали ими. Странно, но со временем стало очевидно, что Джуд обожает свою хлипкую сестренку. Он быстро рос и пошел так рано, что соседи сомневались в его возрасте, а когда Иза-Мари, еще в подгузниках, плакала, он склонялся над колыбелькой, как механик над «Шевроле». Трудно было представить двух более разных детей: Иза-Мари, не вылезавшая из церкви, хранившая меж страниц школьных учебников изображения пап и святых, вырезанные из журналов, и Джуд, который тосковал без работы и каждую весну тащился на поле, только чтобы посмотреть на мокрые борозды, глядевшие в небо, на необозримые канавы грязи.

От Аньес не осталось даже воспоминаний, только фотография — красивая девушка, с длинными темными ресницами и пухлыми губами, тянущимися к наслаждениям мира. Три месяца, пока весна за окном подсвечивала зимние расщелины, а небо сияло, будто экран в кинотеатре, и первые машины туристов поднимали тучки пыли, она кормила близнецов горьким молоком. А в июле исчезла, и о ней напоминали только осиротевшие близнецы и еще имя Джуда.

Отца-туриста звали Джуд, сообщила Аньес родителям. А Иза-Мари бабка назвала в честь своей давно умершей сестры, неведомой Изабель из прошлой жизни.

Эрве Эрве в том году исполнилось уже шестьдесят шесть — поздновато, чтобы самому стать отцом. Когда Джуд родился, он признал его своим. Положил тихого младенца, обернутого простыней, на просоленные весы в продуваемой всеми апрельскими ветрами, которые дули с реки Святого Лаврентия, и подсчитал его вес до грамма. Когда Джуду исполнилось семь, Эрве

Эрве побился со всеми об заклад, что мальчик сумеет поднять корзину с треской и ржавые фок-мачты на скалу. По команде деда Джуд разделся до цыплячьей плоти и пожелтевших подштанников. Корзина очутилась наверху, мачта, дрожа, последовала за корзиной. Эрве Эрве собрал мелочь, пахучие сигареты, привезенные моряком, доллар, прижатый камнем, чтобы ветер не унес. Издали за ним наблюдали Моиз Маер и его сын, косоглазый костистый пацан с выпяченным подбородком, на пять лет старше Джуда и почти того же роста. Эрве Эрве засунул трубку в карман, зажег сигарету, остановил всех вокруг единственным взглядом и предложил еще одну ставку. Был июньский день, ветер вздымал брызги с бурунов на мелководье, а толпа стояла в холодном свете и смотрела. Удары сына Маера сыпались как камни. Джуд угодил ему прямо в челюсть. Мужики трясли головами и отворачивались. Эрве Эрве досчитал до десяти и выдал Джуду пенни за отличный удар.

Джуд рос в своего рода временной капсуле взаимной привязанности, в живописной картине, не свойственной пятидесятым, — прокопченный дед с глазом дикаря и драка с его атавистическим протеже, обнаженным до пояса, с грубой покрасневшей кожей, прилипшей к мускулам, точно мокрая рубаха. Эрве Эрве решил тренировать Джуда — велел рубить дрова в количестве большем, чем они могли использовать или продать. Беги, кричал он, показывая на гору. Каждое утро, несмотря на негодование жены, он заставлял внука выпивать кувшин парного молока, и Джуд с бурчащим животом отправлялся за дедом на взвешивание.

По мере того как фиолетовые ссадины сменялись выбитыми зубами, фингалами и огромными шишками на лицах их сыновей, кулачные бои развлекали

местных все меньше. Скоро заговорили так: да знает ли он, что времена уже не те? Он что, думает, так будет продолжаться вечно? Рождение Джуда совпало с окончанием войны, но электричество появилось в деревне только несколько лет спустя. Линии электропередач протянулись над горами и картофельными полями, так что когда крестьяне махали мотыгами, гудение проводов отдавалось в их костях.

Вскоре появились торговцы с новыми хитрыми штуковинами, и дети сбегались изучать пышное содержимое пластикового пакета или позволяли металлическим волшебным палочкам оставлять синяки на руках. Происходило нечто невинное, над временем разливался свет, будущее обещало стать лучше.

Когда Джуду и Иза-Мари исполнилось десять лет, бабушка шокировала всю деревню и юре: она заявила, что ее посетил призрак сына — некогда самого любимого, того, кто бесследно исчез на западе. Она бесстрастно сказала, что где-то на просторах англоговорящего мира у нее есть другие внуки, которых она должна спасти. Как Эрве Эрве ни старался обуздать безумие, однажды ночью она ушла, забрав, не считая ползунков и поношенных платиц, только вязанье и денежную записку, и после чего ее и след простыл.

Такое предательство разгневало Эрве Эрве, и он запил. Чем неистовее он предавался пьянству, тем сильнее отбивались от рук его сыновья и дочери. Бабушка Джуда своим средневековым рвением держала дом в узде, и в ее отсутствие уже никто не мог умерить аппетита.

Вскоре даже младшие тетки и дядя Джуда кто умер, кто сбежал, кто женился. Дом зарос грязью. Одежду не чинили. Пока Джуд и Эрве Эрве работали, Иза-Мари читала или училась, клеила в тетрадки

картинки из старых церковных журналов или вешала на стены священные образы: миссионеров, невинных домашних животных и обращенных дикарей со шрамами на блаженных круглых физиономиях. Время от времени заходили две замужние тетки, перебивали всем косточки на кухне, немного убирали и уходили, оставив миски с яичницей, жареной ветчиной и картошкой; все это Джуд и Эрве Эрве ели холодным на завтрак, обед и ужин. Весной к ним переехала другая тетка с четырьмя детьми — после того как на побережье к северу от деревни ее муж погиб под бревнами, скатившимися с перевернутого воза. Дом почти пришел в порядок — горячая еда, запах выпечки, разносолы на любой вкус. Даже Иза-Мари осмеливалась выходить из комнаты и помогать. Джуд топтался рядом с ней, тренируясь застегивать подгузники и пудрить попки. Он стал добрее, ходил в школу, где учился складывать буквы, пучил глаза, соображая, куда девать руки, когда читаешь книгу. Он научился писать свое имя и под присмотром Иза-Мари постоянно упражнялся в этом. Летом на столе появлялись цветы, а в пирогах — ягодная начинка. В февральские метели Иза-Мари одаривала всех валентинками: к бумажному сердцу она приклеивала кровоточащего Христа, молящуюся Мадонну или женские туфельки из каталога «Итон». Но Эрве Эрве ударялся в запои все чаще. Осенью тетка с четырьмя детьми уехала. Возобновились визиты двух оставшихся — засохшая яичница, обугленная ветчина. Они курили в кухне и травили байки: пьяный отец спал сразу с двумя дочерьми, женщина случайно выпила отбеливатель и родила альбиноса.

Иза-Мари возвратилась в безмолвие своей комнаты. Цветы на столе засохли, в почерневшей воде гнили стебли. Джуд наблюдал за тетками, стоя в дверях.

Он вспоминал неудержимый, невинный смех детишек. А что до этого?

Старуха с челюстью, похожей на колун, держала его за воротник, когда оттирала ему лицо. Единственная память о материнской любви.

Вскоре после этих событий Джуду минуло пятнадцать. Эрве Эрве брал его с собой на странствующие ярмарки и после закрытия торгов стравливал на пропыленных площадках со взрослыми мужчинами. Местные, помнившие высокого, с огромной челюстью шотландца-туриста, полагали, что Джуд пошел в отца. Еще когда мальчик только начинал ходить, его невозможно было свалить — он тут же вскакивал, будто неваляшка. Эрве Эрве отлично его тренировал. Старик повышал ставки, промывал царапины спиртом, отпивая из бутылки, и советовал прикрывать подреберье и солнечное сплетение. Единственной нежной чертой в облике Джуда были густые пушистые ресницы, унаследованные от матери, неуместные на красной роже кулачного бойца, но никто никогда над ним не подшучивал. Джуд весил уже двести двадцать фунтов.

И хотя Джуд исполнял дедовы наставления, отлично дрался и никогда не проигрывал бои, его величайшей любовью оставалась сестра. Он присматривал за ней с тех пор, как начал ходить. Если над Иза-Мари подшучивали или бранили ее, он был тут как тут, приближался вразвалку подпрыгивающей походкой, а его избитое лицо туманилось немигающим неподвижным взором. Его пугали только разговоры теток о болезненности девочки, то, как они цокали языками, когда сестра выходила из комнаты. Она часто болела и не росла — бледная девочка с зелеными глазами лани и робкими жестами. В церкви она молилась, наклоняясь низко-низко, будто хотела обнять саму себя, и часто

сидела, греясь на солнышке, и казалась спящей, или стелила одеяло в теплом свете из окна. Тетки объясняли такую тягу к теплу наследием южных наклонностей отца-туриста, чего не было в Джуде. В нашем климате она долго не протянет, уверяли они.

Однажды днем Джуд, скрытый в темноте смежных комнат, подслушал разговор теток, обсуждавших время, когда детей отдавали другим. Тетки вспоминали, что если в семье было слишком много ртов, то одного ребенка усыновлял сосед с бесплодной женой. Семьи, где нужна была девочка на кухню или мальчик для изучения ремесла, обращались к тем, кто страдал от избытка детей. Иногда детей одалживали на время, с условием, что ребенок вернется, как только старшие покинут семью. Случались даже явные сделки, обмен на телегу или пилу. Тетки вспомнили детей, которых отдал Эрве Эрве, — Жан-Феликса, Мари-Анж.

Эта когда-то распространенная на полуострове практика уже несколько устарела, но Эрве Эрве, стыдившийся карликов, все же к ней прибегал. Тетки смеялись. Он мог напоить соседа, соврать о возрасте, заявив, что шестилетнему всего четыре. Все знали, что он избавлялся от барахла.

Постепенно незамысловатой душой Джуда овладел страх: он решил, что, пока он работает в поле или потрошит рыбу, дед может отдать Иза-Мари, словно мешок картошки. Хотя они весь день напролет работали молча, иногда, напившись, Эрве Эрве цедил несколько слов, и Джуд прислушивался изо всех сил. Эрве Эрве бормотал про *Les États*¹, о сыновьях, ушедших с тысячами других в поисках лучшей жизни, и дочерях, уведенных туристами. *Même ta mère*², говорил он

¹ Штаты (*фр.*).

² Даже твоя мать (*фр.*).